

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРВАЯ КНИГА О СЧАСТЬЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ушедший год ознаменовался для психологической науки ярким событием – выходом в свет не-большой по объему и изящно оформленной книги Инны Аршавири Джидарьян. Посвящена книга теме, которая волнует всех людей без исключения и о которой, увы, так редко вспоминают наши психологи – теме счастья.

Можно понять осторожность исследователей. Известно, что негативные, отрицательные явления жизни легче поддаются научному анализу. А о счастье надо писать или очень хорошо или не дерзая затрагивать эту тему вообще. В книге Джидарьян счастье исследуется очень полно, исчерпывающе, и, что очень важно, на современном уровне развития отечественной психологии.

Если бы книга представляла собой только тщательное изложение истории философских и общекультурных концепций счастья, она уже была бы интересна читателю. Если бы в ней содержались только первые результаты эмпирического исследования обыденных представлений о счастье человека, это также было бы хорошо встречено. И даже если результатом книги стала бы лишь постановка проблемы удовлетворенности человека своей жизнью в контексте понимания смысла самой жизни, это также было бы интересно и ново, особенно для отечественной психологии. Но дело в том, что в книге Джидарьян тщательно, подробно, изящно, искренне и умно повествуется обо всех этих аспектах. С уверенностью можно сказать, что исследование является фундаментальным в самом точном значении этого слова и ему пока нет аналога в отечественной психологии. Гуманитарный научный фонд Российской академии наук, поддержавший издание книги, может гордиться высоким качеством проделанной работы, а говоря об объеме вполне можно применить русскую пословицу: “Мал золотник – да дорог”.

Народные пословицы, поговорки, песни, стихи любимых русских поэтов – все используется автором для анализа того, как же русские люди представляют себе счастье. Это филологическое богатство придает книге глубину и выразительность, делая ее доступной и понятной для самого широкого читательского круга. Пословицы и поговорки и утешат, и дадут надежду: “Где горе, там

и радость”, “Бояться несчастья – счастья не видать”, “Беда вымучит, беда и выручит”, “Тебя накажут, тебя и пожалеют”. Автор книги замечает: “В этих нравственно-практических предписаниях русских пословиц обобщен жизненный опыт народа, много пережившего и перестрадавшего за свою тысячелетнюю историю, познавшего вековую нужду и другие тяжелые испытания судьбы и научившегося достойно и по-доброму относиться к несчастью” (с. 40). Она подчеркивает (и эта мысль проходит лейтмотивом через всю книгу), что главный смысл, который всегда был и остается до сегодняшнего дня преобладающим в представлениях нашего народа о счастье, связан с пониманием несчастья не только как удара судьбы, от которого никто не застрахован, но и как жизненного испытания, которое надо достойно пройти.

Антиномичность категорий (счастье–несчастье) придает анализу большую философскую глубину и напряженность. Сложное – не упрощается, а трагичное – не ведет к унынию. В результате: полученная картина – это жизнь, из которой нельзя изъять страдание. Автор говорит: жизнь без страданий – это жизнь и... без счастья.

Философские направления и школы, еще со времен античности посвятившие себя размышлениям о счастье, в книге не просто упомянуты: им сопутствует глубокий анализ. Понятия, термины точны и грамотно изложены. Таким образом проблема включается в контекст мировой культуры. Хотя заявленная тема – “российская ментальность”, и в книге говорится преимущественно о понимании счастья русскими людьми, однако благодаря широкому общекультурному контексту книги русские не изолированы в ней от остального человечества и своим пониманием счастья–несчастья вносят особый, неповторимый вклад в сокровищницу мировой культуры.

Наряду с известными именами мыслителей русского “серебряного века” (Н. Бердяева, С. Франка, И. Ильина и других) определенное место в книге занимает полемика с Н.Г. Чернышевским. Это несколько неожиданно, но совершенно не случайно и не без пользы для читателя. Дело в том, что в России выросло уже целое поколение людей, которые никогда не изучали Чернышевского, для которых с темами “первого, второго... снов Веры Павловны” ничего не связано. А ведь “новое” понимание счастья в романе Чернышевского “Что делать?” воспитало почти всех наших

*Рец. на кн.: И.А. Джидарьян. Представление о счастье в российском менталитете. Санкт-Петербург, Алетейя, 2001. 242 с.

революционеров. В “снах” Чернышевский нарисовал картинку-образы осуществившейся мечты. На то и жанр “сна”, чтобы конструкция, которая тотчас бы развалилась в реальной жизни, там “сияла” осуществленной мечтой, рождая все новые жертвы – новых “революционеров”. Забытые заблуждения – это потенциальный источник новых заблуждений. Главное, что нереально и нежизненно в “снах” – отсутствие противоречий. Да, это знакомый старшему поколению миф о преодолении противоречий между городом и деревней, физическим и умственным трудом и... между мужчиной и женщиной.

Работа Джидарьян является большим вкладом в гендерную психологию. Собственно, основная полемика с Чернышевским приходится как раз на изложение темы специфических особенностей понимания счастья мужчинами и женщинами. Автор не только обращает внимание на “однополую” психологию прежних лет, но и заявляет: “На протяжении многовековой истории развития науки всеобщее оказалось на полюсе мужчин, частное, особенное и малозначимое – на полюсе женщин. И предпочтение, как правило, отдавалось мужскому полу, с которым чаще всего идентифицировался человек вообще” (с. 165). Тема понимания счастья меняет сложившуюся картину на противоположную, потому что именно женщинам здесь принадлежит ведущая роль. Приводя в примеры архетипические образы истории человечества (античные Тихе и Фортуны и др.), автор говорит “о преобладающем значении женского начала в представлениях о счастье”¹ (с. 176).

В книге удалось уйти от возможного феминистского перекося. Тема счастья важна и для мужчин, и для женщин, но просто женщинам она открывается полнее. Счастье (само слово связывается с понятием судьбы, участи) для женщины прежде всего означает суженого, “половину”, т.е. любовь. Строки о любви в книге наполнены жизнью, они свежи и в них присутствует глубина понимания! Автор так чувствует тему, что обнаруживает способность понять и пожалеть своего оппонента, революционера-демократа Чернышевского: “он, видимо, сам прошел через муки любви и знал цену этим страданиям, если мечтал видеть будущих людей свободными от всех тех

разочарований и злосчастий, которых не удастся избежать ни одному влюбленному в нашей земной жизни” (с. 171–172).

Художественная литература биографического и автобиографического характера, особенно великие произведения, составляющие настоящее культурное богатство человечества – это область, в которой настоящие психологи не должны чувствовать себя чужими. Но пока немного авторов, которым удалось бы включить в ткань научного анализа примеры из художественной литературы так естественно и гармонично, как смогла сделать это Джидарьян.

Книга такого рода будет особенно полезна всем изучающим психологию. Она дает образец полнокровного рассмотрения жизни, включая в анализ многое из накопленного в культуре человечества по данному вопросу. (Известен пример, когда одна опытная преподавательница всегда рекомендовала своим студентам работы Джидарьян как образец того, к чему должна стремиться психология, поскольку считала: изучение этих работ поможет уберечь учащихся от упрощения сложных проблем, от излишне формального подхода.)

Книга “Представление о счастье в российском менталитете” могла бы быть рекомендована в качестве учебного пособия всем, изучающим психологию, – для этого ее хорошо было бы переиздать². Нам не хотелось бы, чтобы у читателя, еще не видевшего книгу, сложилось впечатление, что речь идет о философско-художественно-культуроведческой работе. Монография обобщает результаты нескольких эмпирических исследований, проведенных Джидарьян за последние годы. Исследования эти явились новым словом в отечественной психологии, они развивают лучшие традиции мировой психологической науки и представляют собою своеобразный прорыв после многих десятилетий, в течение которых отечественная психологическая мысль была отлучена от тем счастья и удовлетворенности жизнью.

Ее исследование представлений о счастливом и несчастливом человеке выполнено в рамках традиций изучения имплицитных концепций личности, примененного к теме счастья–несчастья впервые в мировой психологии. Суть метода – в описании конкретных людей, известных испытуемым (респондентам), которых можно назвать “счастливыми” или “несчастливыми”. Полученные результаты интересны и достоверны. Выде-

¹ Воспользуемся случаем и приведем другие примеры в подтверждение этой мысли. Так, в иконографической традиции, идущей из Византии, в сюжете “Благовещения” Дева Мария держит в руках веретено. Нить – символ судьбы. О символическом значении пряжи говорит Д.С. Лихачев в работе “Поэтика древнерусской литературы”, рассказывая о Петре и Февронии Муромских. Когда посланный от князя Петра слуга увидел деву Февронию, та пряла. Подтверждением того, что нить (пряжа) в руках девы означает и то, что в ее руках находится ведение судьбы, ее слова: “не ты мой суженый, а князь Петр”. Лихачев отмечает: в древнерусской иконографической традиции в руках чистой девы находится знание, ведение судьбы.

² Книга издана тиражом всего 1000 экз. – ее уже сейчас трудно достать. А при переиздании хотелось бы пожелать сделать шрифт более крупным. Не совсем понятно, почему солидную и фундаментальную монографию издательство загнало в самый минимальный формат и объем: буквы основного текста читаются с трудом, а тексты сносок находятся почти за гранью видимого.

лено значимое различие в оценивании “счастливых” и “несчастливых” людей. Исследователь предполагает, что “образ счастливого человека представлен в структурах обыденного сознания ярче, определеннее, чем несчастливый”. Объясняется это тем, что счастливые люди больше выделяются из всего окружения, являются для других примером, образцом для подражания. Связано счастье–несчастье с темой “благополучие в семье и личной жизни”. Автор отмечает: “в системе представлений о счастье любовь и семья имеют высший ценностный приоритет” (с. 153). Интересно такое наблюдение: “В отношении красоты и физической привлекательности следует заметить, что более привычно связывать их с образом счастливого, чем несчастного человека (дается ссылка на книгу М. Аргайла “Психология счастья”. — М.В.), хотя по результатам нашего исследования им придается примерно одинаковый вес” (с. 155). Главной характеристикой, отличающей счастливого человека от несчастливый, является чувство оптимизма и связанная с ним вера в лучшее будущее. Кроме того, счастливые отличаются от несчастливых также уверенностью в себе, целеустремленностью, наличием смысла жизни. А вот материальный достаток, образованность, удачливость оказались лишь незначительно связаны с образом счастливого человека. Сам образ несчастливый человека, каким тот представлен в обыденном сознании, оказывается лишенным резких отрицательных черт: “Скорее, наоборот, ему приписываются высокая нравственность и социально-этическая зрелость” (с. 156–157).

Другое ее эмпирическое исследование касается темы удовлетворенности жизнью людей, живущих в современной России. Оно также проводилось с использованием новейших методик и способов математической обработки эмпирических данных. Среди прочих в нем была поставлена

также проблема взаимосвязи между личностными особенностями, уровнем удовлетворенности и счастья, с одной стороны, и стратегиями совладания с трудными жизненными ситуациями — с другой. Автор делает вывод и о российской склонности к мечтам и фантазированию, готовности изменить себя, поскольку многовековой российский опыт приучил граждан к тому, что внешние условия им неподвластны. Один из выводов: “Для счастливых и удовлетворенных жизнью людей наиболее отличительными характеристиками поведения в трудных ситуациях жизни, наряду с уже перечисленными, являются также их склонность критиковать и винить себя, обращаться к Богу с молитвами, а также не сгущать красок и не воспринимать ситуацию слишком серьезно” (с. 226).

В заключение хотелось бы особо отметить стиль изложения. Он легок, прост, понятен, но без каких бы то ни было упрощений. В “Заключении” автор говорит о своей гражданской позиции, о чувстве личной причастности к российскому менталитету, понимании его общемирового значения и необходимости сохранения лучших традиций русского народа и обращается к читателю с такими пояснениями: «мы стремились не к идеализации, а к объективности и научной достоверности, хотя последнее условие всегда трудно реализовать в полной мере в отношении вопросов, которые принято относить к разряду “вечных”» (с. 228).

Книга Джидарьян очень нужна сейчас всем нам — не только как профессиональным психологам, но и как гражданам, надеющимся обрести стратегию веры в лучшее будущее своей страны и народов, населяющих современную Россию.

М.И. Воловикова,
канд. псих. наук,
ст. научн. сотрудник ИП РАН

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В.С. МЕРЛИНА В ПЕРМСКОМ ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТЕ*

Коллективная монография учеников и последователей В.С. Мерлина (1898–1982), посвящена 100-летию со дня его рождения. В воспоминаниях о Б.М. Теплове В.С. Мерлин воспроизводит свой разговор с ним о будущем нашей науки: “Когда однажды я сказал ему, что под старость похвалы

менее трогают, потому что воспринимаются под углом зрения вечности, он ответил, что под углом зрения вечности важнее всего — будущее твоей работы, забота о том, кто будет ее продолжать и в каком направлении она будет развиваться” (“Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М. Теплова” / Под ред. Э.А. Голубевой, 1997. С. 367–368).

Теперь, почти 20 лет спустя после кончины Мерлина, есть полное основание сказать о том,

*Б.А. Вяткин, А.А. Волочков, А.Г. Исмагилова, Т.И. Марголина, Т.А. Попова, Е.И. Сибирикова, Е.А. Силина, В.Ю. Хотинец, М.Р. Шукин. Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / Под ред. Б.А. Вяткина. М.: ИП РАН, 1999. 327 с.